

Глава Десятая

ПОСЛЕДНИЙ СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ

Из Соединенных Штатов Америки в Дагестан привезено более 100 полотен крупнейшего мастера западноевропейского искусства, дагестанца по происхождению Халил-Бега Мусаева (Мусаясул). Картины Х. Мусаясул хранятся в крупнейших музеях мира, в том числе и в «Метрополитен музее» Нью-Йорка, где выставлены и слепки рук живописца в знак признания его вклада в мировую культуру. Кстати из всех выдающихся деятелей русской культуры только Рахманинов удостоен этой чести.

Бесценные картины Х. Мусаясул вместе с частью его архивов безвозмездно переданы в дар Дагестану вдовой Халил-Бега – Мелани, согласно завещанию художника.

О Халил-Беге Мусаясул мы знаем мало. Непростительно мало. Впервые о нем обмолвился Расул Гамзатов в «Моем Дагестане», после одной из своих зарубежных поездок, да и то, не называя имени великого художника. Уточним: опального художника, ибо по идеологическим установкам тех лет всякий, проживавший или проживающий вне Родины, был либо «изменником», либо «отщепенцем». К чести Р. Гамзатова, он не бросил в адрес живописца столь тяжкие обвинения, хотя и назвал его «блудным сыном Дагестана». Простим поэту столь резкую оценку, тем более, что о безымянном

художнике-дагестанце, колесившем по «блестящим столицам чуждедалних стран» Гамзатов писал с сожалением и состраданием, а единственное обвинение выдвинутое им – забвение родного языка.

«Приехав домой из Парижа, я разыскал родственников художника. К моему удивлению оказалась жива еще его мать. С грустью слушали родные, собравшись в сакле, мой рассказ (...)

Вдруг мать спросила:

– Вы разговаривали по-аварски?

– Нет, мы говорили через переводчика. Я по-русски, а твой сын по-французски.

Х.Мусаясул. «Берлинская мадонна»

Мать закрыла лицо черной фатой, как закрывают его, когда услышат, что сын умер. (...) После долгого молчания мать сказала:

– Ты ошибся, Расул, мой сын не мог забыть языка, которому его научила я, аварская мать...»

Халил-Бег, свободно владевший русским (на нем он вел свои дневники), арабским (ему он обучался до революции в согратлинском медресе, а после хаджа даже получил титул шейха в Египте), немецким (на нем он написал свою книгу «Страна последних рыцарей»), английским, французским и турецким, конечно же, не забыл свой родной аварский язык.

Ныне здравствующая вдова художника, настоятельница женского монастыря «Регина Лангест» в США, Мать Жероме (в миру Мелани) показывала приезжавшим к ней дагестанцам незатейливые рисунки Халил-Бега, подписанные им по-аварски. Это своего рода азбука. По ней Халил-Бег обучал жену своему родному языку...

Нет, не блудным сыном, но странствующим рыцарем, был Хаил-Бег. И наверное – последним странствующим рыцарем. Передо мной рисунок, на котором со спины изображен всадник с факелом в руке. Огонь – свет, символ знаний: одновременно это символ тревоги, призыв к войне со злом. Мне кажется, Халил-Бег изобразил на этом рисунке себя и тех видных представителей

своего поколения, которые вместе с собой унесли частицу света и тепла. Унесли не для того, чтобы здесь восторжествовали тьма и мракобесие, а для того, чтобы сохранить этот свет. Кто знает, какая участь постигла бы картины Х. Мусаясула, разбросанные по крупнейшим музеям мира, останься он в отечестве. Наверняка, они сгорели бы в кострах пролеткульта, а сам мастер был бы уничтожен НКВД, в лучшем случае – уложен на прокрустово ложе соцреализма.

«Более 20 лет прошло с тех пор, как я вынужден был покинуть свою родину на Кавказе, – писал Х. Мусаясул в журнале «Элеганте вельт», – все эти годы из-за коммунистического правления она оставалась для меня страной мечты, и я старался воссоздать в своих картинах ее людей и природу такими, какими они сохранились в моем сердце».

Халил-Бегу это удалось, и сегодня нам возвращается свет, зажженный и сохраненный им.

Здесь мы не можем проигнорировать то весьма важное обстоятельство, которое, собственно, и было причиной столь длительного замалчивания жизни и творчества Халил-Бега Мусаясула: журнал «Элеганте вельт» («Мир изящного») вышел в Берлине в 1943 году. А раз так, то художник, по устоявшемуся мнению, должен был «сотрудничать с фашистами». Многие годы из уст в уста ходили злые сплетни о том, что Халил-Бег был «придворным живописцем рейха», «написал портрет Адольфа Гитлера» и проч. Мюнхенские дневники 1941-45 гг. художника, привезенные недавно из США, полностью опровергают сии наветы.

Вспомним с какой горечью выдохнула поэтическое пророчество Марина Цветаева:

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!
О мания, о мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие творишь!

Дневник Х. Мусаясула испещрен не менее обличительными и гневными строками: «Германия объявила войну России... Не слишком ли много она на себя берет? Радио гремит победоносными фанфарами. Как все это мне надоело – их надменная гордость. (Июнь, 1941 г.); Мои друзья немцы и иностранные дипломаты отрицательно относятся к этому строю полуобразованных... Это – позор человечества, а если это должно торжествовать, то лучше пусть я умру. О какой жестокий элемент носил в себе этот народ! (4 августа 1941 г.); Как я

этим народом разочарован. Все опьянены успехами, и как они мне противители. Их победа была бы гибелью для всего света (1942 г., Берлин)»

Листаю этот дневник и думаю: как обернулась бы судьба Халил-бега, попадись эти записки кому-то из ведомства Мюллера? Особо крамольные мысли записаны на полях дневников по-аварски арабским шрифтом – конспирация...

Сама логика напрочь отменяет все скоропалительные обвинения против Халил-бега: мог ли художник, интуитивно не принявший одного тоталитарного режима, пойти в прислужники к другому, еще более бесчеловечному?!

Да, Мусаясул жил в Германии. Но ведь приехал он туда задолго до «пивного путча» – учиться в Баварскую Академию художеств к знаменитому Францу Рубо, который, кстати, завещал свою мастерскую ему – самому любимому и талантливому ученику.

В Академию он поступил в 1913 году. Когда началась Первая Мировая – вернулся на Родину в 1921 – продолжил учебу и был вынужден остаться в Мюнхене, узнав о том, что Горская республика, чьи идеи он разделял, упразднена.

Вот два документа из архива художника.

БАВАРСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ* ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Студент Академии г-н Халил-Фон Мусаев из Темир-Хан-Шуры с большим прилежанием посещал в период летного семестра 1913-14 гг. класс профессора Габриэля Риттера фон Хаке, добился больших успехов и имеет достойное похвалы поведение.

Мюнхен, 16 июля 1914 г.

Проф. Г. Фон Хаке.

*Подтверждение:
Директор Баварской Королевской
Академии изобразительных искусств*

(подпись)

*Юристконсульт:
(подпись)*

* Из архива М. К. Мусаева

АКАДЕМИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ В МЮНХЕНЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Г-н Муса Халил-Бек (Мусаев)
Место Рождения Гуниб
Гражданство Дагестан (Персия)
Президент (Подпись)
Примечание: Вступление в Академию, октябрь, 1913.
Прерывание учебы – зимний семестр 1914/1915 гг.
Летний семестр 1921 г.

Настоящим удостоверяется, что г-н Халил-Бек Мусаясул, художник из Мюнхена, по решению правления от 27 ноября 1930 г. принят в постоянные члены Мюнхенского товарищества художников

*Мюнхен, 27 декабря 1930 г.
Правление Президент (подпись) Делопроизводитель (подпись)*

Чувство отечества в Халил-Беге было настолько обострено, что при мучительном выборе гражданства он остановился на стране, которая являлась родиной его далеких предков: живя в Германии Халил-Бег имел иранский паспорт, потому что генеалогия чохского тухума Манижал, к которому принадлежала фамилия Мусаясул, восходит к Ахеменидам, а дальше – к персидскому царю Дарию. Но, пребывая там, на чужбине, душа Халила оставалась в родных горах. И ее присутствие в культуре Дагестана было столь необходимо, что она не мыслила себя вне его имени, вне его творчества, о чем свидетельствует публикуемое ниже письмо тогдашнего наркома образования Дагестана Алибека Тахо-Годи:

«Дорогой Халил,

Багадур получил Ваше письмо, которое мы прочитали с интересом. Мы чувствуем, что Вы совершенствуетесь в искусстве, не отрываясь от родной почвы Дагестана, мотивы которой, по видимому, составляют основу Ваших художественных переживаний и творений. Нас это радует, но, радует, признаться, лишь наполовину.

В чрезвычайно трудных условиях нашего народа, каждая культурная единица является большой ценностью. Что же сказать о Вас, который был бы сейчас на родине единственным лицом, способным стать в центре художественно-эстетического влияния на массы через живопись, школу, театр.

Вы пишете, что не догадывались, какая у аварцев богатая литература. А между тем на днях выпускаем в свет собрание песен «Махмуда из Кахаб-Росо», оставляющих по красе далеко позади все то, что до сего времени было известно в аварской поэзии.

В этот момент, если бы Вы были с нами, конечно, наше издание выиграло бы значительно, и несколько не уступило весьма нас интересующему сборнику Дирра, приуроченному к Съезду Ориенталистов.

Вообще мы в повседневной жизни часто сталкиваемся с вопросами, составляющими содержание Вашей специальности, и поэтому всечасно ощущаем Ваше отсутствие также в отношении Вас настроен и тов. Джелал, который, перед отъездом вспоминал и выражал сожаление, как о Вашем продолжительном отсутствии, так и о том, что в последнюю поездку ему не удалось видеть Вас.

Надеемся, что в самом скором времени Вы отзоветесь исполнением наших пожеланий, идущих навстречу, впрочем, собственному Вашему настроению, как это можно понять из Вашего письма.

Примите наши искренние пожелания.

При сем высылаем Вам двести рублей в счет субсидии Вашим занятиям.

Алибек Тахо-Годи»

Личный авторитет живописца в Германии после войны был столь высок, что даже признанные на Кавказе, да и за рубежом, авторитеты, оказавшись в условиях эмиграции абсолютно беспомощными, зачастую обращались к Халил-бегу с различными просьбами. Об этом свидетельствует публикуемое ниже письмо Лазаря Бичерахова:

«Глубокоуважаемый и дорогой Халил-бей!

Шлю привет и наилучшие пожелания. Как меня, так и всех сородичей огорчила Ваша болезнь (...) Интересы наши Вы знаете. Положение не улучшается. Значительная часть горцев уехала и уезжает в Турцию. Здесь (в Мюнхене) останется не более 150-200 человек. Из них 70 душ – осетины. Большинство их тоже уехало в Турцию, но, как Вы знаете, в Турцию выезжают лишь единоверцы. Мадмуазель Л. Галиева, вышедшая замуж за американца, выразила желание содействовать переселению 10 осетинских семей. Через них наш комитет на Ваше имя выслал специальный осетинский список на 15 семей (...) Надеюсь, не откажите в любезности сообщить о получении пакета. Да хранит вас Всевышний.

Искренне Вас уважающий Лаз. Бичерахов.

7 января 1949 г.»

С подобной же просьбой обращался К.Х. Мусаясул представитель калмыцкой эмиграции (небольшая группа бывших военнопленных, ожидавшая в 1945 году на Берлинском вокзале своей участи) Басан Бембетов:

«... мы, калмыцкие эмигранты, глубоко верим в то, что Вы, досточтимые супруги Халил-бег (так в тексте – М.Д.) послужите нам мостом и посредником к этой нашей светлой и спокойной жизни в будущем».

Министр иностранных дел бывшей Республики Горцев Северного Кавказа Гайдар Баммат, занимавшийся также проблемой своих земляков, писал Халил-бегу из Франции 27 августа 1948 года:

«Не можете ли Вы дать мне сведений о количестве и местонахождении наших интернированных в Германии?..»

Думаю, эти письма говорят сами за себя...

В письме Халил-бегу Мусаеву от 28 марта 1949 года автор Кабарди повторяет просьбу Бичерахова о содействии о переселении в Турцию десяти осетинским семьям:

«... я советую Вам обратиться за помощью к организациям прибалтийских, польских и других государств. Если не могут что-либо сделать наши земляки, то нужно просить чужих. Затем я имею адрес казачье-горского объединения, который посылаю Вам...»

И далее: *«... поторопите, пожалуйста с хлопотами богатую осетинку. От нее писем никто еще не получал по делу переселения. Как обидно, что у нас мало людей с доброй душой и с инициативой...»*

...И сегодня за рубежом живы те, которым в свое трудное время помог великий живописец и Великий сын Кавказа – Халил-бег Мусаясул.

...Неправда, что художник стоит вне политики. Истинный художник всегда над политикой. Он – ее высший и единственный Судья. И только его приговор окончателен. «Мюнхенский дневник» интернированного иранского гражданина Халил-бега Мусаясула, всемирно известного художника и последнего странствующего рыцаря – это не бой с ветряными мельницами, это – приговор фашизму. Но художник настолько же беспомощен в борьбе со злом, насколько и всемогущ. Художник не в силах истребить зло и исправить уродство, он может лишь умножить добро и сотворить красоту.

О живописце Халил-беге Мусаясуле заговорили сразу. Первые его рисунки появились на страницах журнала «Танг Чолпан» и «Молла Насреддин» в смутные революционные годы. Рассказывают, что на первого дагестанского художника, послушника шариатских норм, обратил внимание сам Нажмуддин Гоцинский.

Вот как описывает свою встречу с Н. Гоцинским сам Халил-бек в книге «Страна последних рыцарей»:

«Петровск был охвачен лихорадочным движением. Осмотревшись после долгой езды по новой железной дороге, я обнаружил у вокзала занятый офицерами поезд, готовый к отправлению на Темир-Хан-Шуру, куда направлялся и я. Это был специальный поезд имама Нажмуддина. В ответ на мою просьбу ехать с ним, его окружение дало согласие. Поезд тронулся. Я стоял и размышлял у окна, и тут произошла незабываемая в моей жизни встреча с великим имамом. Я увидел, как из одного купе вышел высокорослый, широкоплечий пожилой мужчина с

постриженной кругом бородой. Часовой отставил ружье, и когда он медленно проходил мимо меня, я поклонился, оказав ему приличествующее случаю почтение. Он повернулся, протянул мне руку и спросил кто я. Я назвал ему имя своего отца – наиба Манижала из Чоха.

– Я знавал твоего отца, – сказал он, – а твой дедушка Манижал Магома был достойным мужчиной.

И тут же дружески спросил, был ли я студентом.

– Да, я учился на художника в Германии! Он тут же резко и недоверчиво спросил, не стал ли там я социал-демократом.

– Если да, то ты не друг своей Родины!

Я поторопился успокоить его, уверив, что ничего общего с этими людьми не имел.

Двинувшись дальше, Нажмуддин не преминул еще раз похвалить моего деда, а затем взглянул на меня острым, пронизательным взглядом, от которого я почувствовал себя маленьким и ничтожным.

Примерно через месяц после этой встречи имам призвал меня к себе и во время трапезы долго беседовал со мной, задавая много вопросов о Европе. Он был совершенно оригинальной и энергичной личностью.

Имам предложил нарисовать его портрет. Этот очень богатый человек и именитый ученый-теолог был, тем не менее, импульсивен и обаятелен, что я простил ему его несколько наивные вопросы: «Ты можешь, конечно, нарисовать меня красиво и похоже, но сможешь ли ты вернуть черноту моей бороде?» Борода, в самом деле, поседела и поредела.

Успокоившись, что его пожелание легко может быть исполнено, этот огромный мужчина выказал такую неподдельную радость, что сердце мое было в полнейшем умилении.

Халил-Бег запечатлел не только Гоцинского, но и все его ближайшее окружение на знаменитом Андийском съезде, где Нажмуддин был избран имамом. Сегодня этот рисунок имеет не только художественную ценность, но является и уникальным историческим документом, едва ли не единственным изображением имама Н. Гоцинского, шейха Узун-Хаджи, князя Шервашидзе и многих других.

Сотрудничество в журналах принесло Мусаясулу широкую известность в Дагестане и на Кавказе. Но это был еще не успех, в том понимании, согласно которого художник выстраивал и вынашивал свои творческие замыслы. Его, студента Баварской Академии, восхищенного мастерством обожаемого мэтра Франца Рубо, воспевшего в своих монументальных полотнах героиню Кавказской войны, конечно же, не устраивала преходящая популярность агитпроповца. И все эти годы Халил-Бег усердно работает в жанрах «чистого искусства». В 1919 году во Владикавказе с огромным успехом прошла его первая выставка. 26 февраля 1920 года критик Т. Деви пишет о Х. Мусаясуле в газете «Кавказ» восторженный отзыв:

«Он всегда возлюбленный рыцарь Прекрасной Дамы — Земли, и потому она цветет для него сказками и чудесами.

И как прекрасно, когда в суете политической жизни, неожиданно она цветет для него сказками и чудесами.

И как прекрасно, когда в суете политической жизни, неожиданно увидишь отблески этого вечного торжества человеческого духа над жизнью, «бабищей дебелой и безобразной» в стихах поэта или рисунках художника.

Среди десятков хорошо исполненных портретов, как радостно найти в немногих рисунках Халил-Бега Мусаяева его настоящую душу, душу поэта, влюбленного в сказки и в многоцветный чудесный ковер Востока.

В этих немногочисленных рисунках он весь во власти Ирана и «Тысячи и одной ночи», и скорее похож на художника при дворе доброго Гаруна — аль-Рашида, чем на нашего современника... Любовь к жизни, претворенной в сказку, вот истинное лицо нашего молодого художника, и пусть его

*...сердце любить не устанет,
Ни око смотреть и смотреть
(Саади)»*

После столь блистательного дебюта Халил-Бег решил навсегда отказаться от политики, отмежеваться от всевозможных партий и течений и всецело отдаться искусству.

В 1921 году вместе с Ахмедом Цалыкатты, Гайдаром Бамматом и другими лидерами Горской республики он покидает отчизну. Продолжает учебу в Мюнхене и в 1924 году устраивает сам свою персональную выставку.

Из эмигрантской прессы тех лет:

«В Мюнхене, в Художественной Академии закончил образование уроженец Дагестана, аварец по происхождению, Халил-Бег Мусаясул. Это первый и пока единственный художник-дагестанец.

Устроенная им выставка картин в Мюнхене, судя по отзывам немецкой печати, прошла с успехом выдающимся. В Мюнхенской газете «Нехсте Нахрихтен» (10. VIII) художественный критик д-р Шмельц дает чрезвычайно лестный, даже восторженный отзыв о выставке молодого художника».

А вот что писала о Нем немецкая пресса:

«Еще ребенком, живя на своей Родине — Кавказе, Халил-Бег Мусаясул страстно хотел рисовать красивыми цветными красками живые существа. Его товарищей и учителей, которые наблюдали его странное увлечение, сложилось о нем, к его великому огорчению, мнение, как о безбожнике. Но жажда к рисованию, именно живого, была сильнее, чем все упреки и нарекания, на которые не скупился учитель, когда вновь заставлял мальчика с его цветными карандашами. Был большой грех, подражать Творцу. В Коране строго запрещено изображать все, что дышит и одушевлено, и поэтому такое стремление считалось безрассудным

делом, т.к. не было еще никогда такого, чтобы художник смог вдохнуть душу в свою картину, только душа делает его совершенной. Художнику разрешалось рисовать только цветы и орнамент, но только не живые существа. Так гласило учение Пророка...

В Мюнхене без сомнения творили не многие художники, первые детские опыты которых пытались подчинить авторитетам того времени с подобными аргументами. Кавказец Халил-Бег Мусаясул из рода аварцев, которые ведут свое происхождение от остатков рассеянного греческого пранарода, был единственным из них. Сильное пристрастие рисовать людей осталось в нем. И благодаря ему и его очаровательному искусству известен он сегодня как портретист, особенно женских образов. Его яркие, тонко передающие настроение картины дышат почти без изъянов атмосферой его родины, страны кровавой мести и рыцарских турниров. Из суровых скал проросли темноглазые женщины, подобные тропическим цветам: нежные и изящные, прекрасные и преданные, хрупкие, будто вот-вот переломятся в руках привыкших к борьбе, известных своей храбростью мужчин, которые не расставались с оружием даже во время мирных полевых работ.

В многочисленной плеяде мюнхенских художников Халил-Бег представляет собой исключительное явление, чрезвычайно инородного очарования, из его многих картин о прекрасных женщинах с чудесными изящными руками, как будто чувствуется дыхание Востока».

(Журнал «Элеганте вельт»)

Дальнейшая творческая судьба художника – триумфальное шествие по «блестящим столицам»:

1925 год — выставка в Швейцарии;

1926 год — выставка в Мюнхене;

1929 год — поездка в страны Ближнего Востока и сбор материала для иллюстраций к «Тысяче и одной ночи», признанных впоследствии самыми лучшими в мире;

1929 год — выставка в Берлине;

1930 год — выставка в Стамбуле;

1930 год — выставка в Риме и Флоренции;

1934 год — выставка в Мадриде;

1934-44 гг. — вторая выставка в Мюнхене;

1942 год — выставка в Тегеране;

1944- 47 гг — ряд выставок в Швейцарии;

1947 год — выставка в Нью-Йорке.

Одно из слагаемых молниеносной мировой славы Халил-Бега — это то, что для европейцев он был первым представителем Дагестана, заговорившем на их языке — на языке — Дюрера и Рафаэля, Гойи и Дега, Модильяни и Матисса... О Дагестане Европа знала понаслышке. Дагестан был для нее

«терра инкогнита». И вот пришел человек, раздвинувший волшебный палочкой кисти

На верхнем левом снимке: с Ее Высочеством принцессой Австро-Венгерской; справа – Ее Высочество принцесса Баварская Людвиг; на нижнем снимке – Ее Высочество Принцесса Египетская Милекки.

каменную завесу Кавказского Хребта и ожививший таинственные образы Шамиля и Хаджи-Мурата, Хочбара и победителей Надир-Шаха.

Халил-Бег для европейцев был не просто художником. Великолепный знаток истории и этнографии Кавказа, он оказал неоценимую услугу зарубежным ученым. Я видел его акварель, в которой он воспроизвел иерархию имамата: мюриды, гвардейцы, наибы, структуры духовной власти воспроизведены в реальных исторических лицах, в точности изображены костюм, атрибутика и символика, штандарты, знаки отличия, ордена, теперь уже во многом забытые...

«Возможно, за эти трудные годы в моих картинах исчезли некоторые формальности, но неизменно сохранился в них характер, национальный колорит», — писал о своих произведениях Х. Мусаясул.

Кстати о национальном колорите. Исследователи относят творчество Халил-Бега к дягилевскому «Миру искусства». И действительно: художник-дагестанец синтезировал в своем творчестве теплую палитру Серова, изящную линию Бакста, звонкий пластичный мазок Врубеля, создавая при этом исторические и легендарные произведения, образы, призванные преображать Мир зла через гротеск и символизм, используя, в основном, дагестанский материал. Но слишком малая мера говорить о нем, как о дагестанском и даже русском художнике. Европейски образованный горец, Халил-Бег вобрал в своем творчестве традиции Востока и Запада и стал тем духовным мостом мировой культуры, о котором грезит и размышляет не одно поколение философов.

Лермонтов писал о кавказских горах: «Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз». Каково же самому кавказцу, оторванному от своего горделивого гнездовья! Как не помнить, как не воспроизводить его в своих полотнах?! Вот почему «неизменен национальный колорит!»

...Да, он заговорил с просвещенной Европой на ее языке, оставаясь при этом для нее загадочным восточным факиром и чародеем одновременно живущим своей внутренней, никому не известной жизнью, имя которой — ностальгия.

Русский писатель Юрий Слезкин в романе «Столовая гора» писал:

«Когда аварцы хотели выбрать себе красавиц жен — они надевали белые беишметы, золотое с цветными камнями оружие, садились на лучших коней и спускались в долину Кахетии к грузинам. Там они похищали лучшую добычу и, отягченные, пьяные вином любви, снова подымались ввысь, в орлиные свои гнезда. Потому что они были рыцарями гор. Так сделал бы и он, Халил-Бег, если бы остался простым пастухом и воином из аула Чох. Но он художник, он европеец, и он только просит...» О, как он просил о любви. Но любви не к себе — к Дагестану, потому что он не разделял себя от родины! И он выпросил эту любовь. Завоевал не кинжалом и шашкой, а мастихином и кистью. Творчеством Халил-Бега и им самим были очарованы три принцессы:

Австро-Венгерская, Германская и Египетская. Они искали встречи с ним, приглашали его к себе во дворцы, посещали его мастерскую — позировали. Ее высочество Людвиг, дочь Вильгельма II подарила ему свою фотографию с автографом. Ее высочество Милекки (принцесса Египетская) споспешествовала присвоению ему персидского дворянства. Светская сплетня тех лет: экзальтированная и озорная Милекки безумно влюблена в Халил-Бега и хотела бы выйти за него замуж, причем морганатический брак ее не устраивал, ведь гений — властелин умов и душ, стало быть, к нему и надо обращаться не иначе как Ваше Величество. Так состоялось знакомство с Мухаммедом Риза Пехлеви — будущим шахом Ирана.

Знакомство это переросло в дружбу. Принц не только пожаловал дворянский герб потомку царя Дария, он подарил ему свой портрет.

Но Халил-Бег полюбил Мелани. женщину, запечатленную им в десятках портретов, написавшую о нем поэму сохранившую каждый штрих Халил-Бега, каждый документ, Даже с палитры его не смыла красок после смерти мужа. Так и застыли они, как лава некогда клочкотавшего вулкана пламенной страсти таланта, как рельефная карта Дагестана...

Мы, дагестанцы, преклоняемся перед Вами, Мелани, потому что Вы сохранили для нас нашего Халил-Бега*.

Халил-Бек Мусаясул

СААДАТ

Диво, сказка, греза гор, —
 О тебе позывный вскрик!
 Предо мною строгий взор
 И чарующий твой лик.
 Как заря плеснет вином
 В воспылавший небосвод, —
 С золоченным кувшином
 Ты выходишь из ворот.
 Твердой поступью цариц
 Ты идешь на «Рукель ищц»
 Меж томящихся подруг...
 Взор ко взорам — звонкий луч,
 Он пленительно певуч,
 В нем — занывшая весна.
 Эта влага холодна, —
 Эта влага — с дальних круч.

* В следующей главе публикуем литературный портрет Мушки Нагель (литературный псевдоним Мелани Мусаясул), опубликованный недавно в Дании.

* * «СААДАТ» — одноименное живописное полотно Х. Мусаясул, один из его лучших женских образов.

Ты мечтаньям отдана,
А в очах затаена
Дума у тебя одна:
Где же тот, кто сердцу мил?
Не ушел? Не разлюбил?
Или он теперь с другой, —
Не вернется никогда?
...Где желанный, дорогой,
Где горит его звезда?
Крутизна, обрыв, уклон,
Грустный моря мерен звон.
Дикой розы аромат...
Твой певец в тебя влюблен,
Сказка гор, о, Саадат!*

Тифлис. Апрель 1916 г.

Фриц Зегер

ИСТОРИИ И КАРТИНЫ ИЗ «СТРАНЫ ПОСЛЕДНИХ РЫЦАРЕЙ»

*Халилбег Мусаясул, художник и рассказчик
из высокогорной страны Дагестан*

Вот уже добрых десять лет в Мюнхене проходят периодические художественные выставки, среди предоставляемых картин встречаются отдельные работы иностранных художников, в которых соединяются лучшая традиционная художественная культура и техника с очарованием далекого душевного ландшафта с необычной захватывающей гармонией. В Мюнхене живут и творят около 2 тыс. художников, но только некоторым из них удается обеспечить себе место на публичных выставках. Для этого художник, наверное, должен обладать, наряду с высокой одаренностью и необыкновенной душевной силой. Примером может служить Халилбек Мусаясул, который 20 лет тому назад, оказавшись на чужбине без друзей и средств существования, поступил в нашу академию, а теперь признанный мастер пользуется заслуженной славой и уважением.

Мушка Нагель

Это, прежде всего, та духовная сила, которая чувствуется в полотнах Халилбека и которая способствовала тому, что его композиции находили из года в год все больше почитателей. Художественные достоинства его картин, о которых нетрудно более подробно упомянуть, явно бросаются в глаза, так через игру линий и красок, убедительно действует духовная сила блестящей личности. И это то, что привлекает сердца зрителей, что служит вселенной реальности и объединяет их благодаря творческому потенциалу произведений искусства.

Кто мог постоянно наблюдать за свободным творчеством Халилбека со дня окончания его учебы в Мюнхене, за которой следовали поощрительные путешествия и учеба в других Европейских культурных центрах, тот замечал в произведениях, становившихся из года в год более зрелыми, все большее выдвигание на передний план своеобразной человечности, и был приятно поражен тем, что художник далекой, чуждой культуры, выросшей в центре западно-европейской художественной сферы, всегда глубоко проникался тематикой Кавказской Родины, учился выражать благородство и идеалы своего народа, всегда ощущал свое собственное я, сына самобытной культуры.

Малой родиной Халилбека является высокогорная страна Дагестан – беднейшая область Кавказа, которая могла дольше всех и лучше всех защищаться от чужеземных захватчиков. Там до последних времен сохранялись патриархальные порядки, обычаи, символы и нравы из раннего язычества, несмотря на христианское и мусульманское влияние. Дагестан образует треугольный участок земли, включающий северо-восточные склоны диких, испещренных ущельями гор, полоса теплая, влажная и чрезвычайно плодородная. Горная часть, являющаяся колыбелью нашего художника – скалистая земля, которая позволяет уродиться кроме проса лишь некоторым злакам; на этой земле мало пастбищ для лошадей и для крупного рогатого скота, но довольно много пастбищ для овец. Население, главным образом, связано с исламом (в противоположность Грузии, где издавна было принято христианство), но раздроблено на многочисленные роды и народности, некоторые большие, а иногда совсем крошечные, говорящие на разных языках. Уже в древности эта страна называлась многоязычной. Халилбек Мусаясул принадлежит к многочисленному аварскому

народу – одной из ветвей лезгин, которая кажется, происходит вместе с черкесами, родственными по характеру, в свое время вынужденными эмигрировать из областей, где установилось русское господство, и теперь оторванными от древних кавказских народов. Едиными были эти много раз разделенные, но все-таки внутренне родственные народности лишь однажды в знаменитой, длящейся 40 лет героической войне против русского господства, которая стоила царю полмиллиона жизней его солдат. Кроме того, в их полной драматизма и перемен пятитысячелетней истории были постоянные междоусобные конфликты.

Принято считать, что лезгины отважнейший из народов, а их женщины слывут прекраснейшими из жен. Сегодня изысканная красота Кавказской горной страны возродилась в полотнах Халибека Мусаясул – быть может своего первого сына, который воздвиг художественный памятник героизму своей Родины. Этот памятник полон красок света и пластичности форм.

Рекламой картин его Родины, которая живет в его душе, стала удивительно прекрасная книга, в которой Халилбек, в идеальном соавторстве с Луизой Лапорте, изображает события своей юности в Дагестане до порабощения героической страны и народа кровавым потоком большевизма. «Страна последних рыцарей» назвал он свою книгу, которая вышла в Мюнхене в издательстве К. Г. Бека. Автор строит свой биографический рассказ, переплетая сказки, легенды и предания в том виде, в каком они существуют в устном народном творчестве, и украшает их карандашными рисунками и акварелями, так что в значительной мере благодаря языковому такту и интуиции немецкого соавтора, получилось литературное произведение, которое сделало далеких и чуждых нам по своим нравам и обычаям кавказских горцев близкими.

Перевод с немецкого.

Адиль-Бек Кулатти

«СТРАНА ПОСЛЕДНИХ РЫЦАРЕЙ»

«Страна последних рыцарей» обработана госпожой Л. Лапорте, по описанию известного северокавказского художника Халил-Бека Мусаясула и представляет собой биографический очерк, охватывающий жизнь автора от его рождения до 1921 г., когда он покинул Кавказ и через Турцию отправился в Германию. Однако, это жизнеописание является как бы ведущей нитью, на которую нанизано все виденное и слышанное автором, причем так удачно, что у каждого создается верное представление о Кавказе, в частности о Дагестане. Меткими мазками изображает Халил-Бек природу и население своей родины, ее прошлое и настоящее. Описывает обычаи и пережитки языческих времен в народных празднествах («Оц-бай» – при вспахивании нетронутой земли, процессию при «испрошении дождя» и др.), в них наблюдается причудливое переплетение мусульманского с языческим. Описывается народное веселье с песнями, танцами, с певцами-сказчиками; скачки, джигитовка, фехтовальные состязания, соколиная охота и опасная охота на тура и на волка.

Книга излучает чарующую прелесть нартовских сказаний, старинных легенд и народных поверий. В ней отображен весь многообразный лик радости, славы и печали Кавказа.

В этой книге выпукло обозначен путь развития, по которому пробивались дарования художника. Изображать живое у мусульман греховно – «харам», а к тому же маленький Халил был религиозен, вследствие чего в его душе происходила временами острая борьба. Но в конце концов талант победил, и даже его учитель в медресе, любивший мальчика, советовал только «отрезать» головы фигурам, что он и делал, проводя еле заметную черту на шее. Первыми учителями Халил-Бека, если не считать грандиозной природы, пробудившей у него любовь к образам, были случайные мастера, такие как Исмаил, мастер памятников и маляр.

...Незабываемый момент в памяти рассказчика оставила его встреча с Имаммом Нажмудином; первая – в поездке, когда имам, узнав о том, что Халил-Бек, студент, едет из Германии, с недоверием спросил – не стал ли он там социал-демократом. «Если да – ты не друг своей родины» –

строго сказал имам. И вторая встреча в Темир-Хан-Шуре, когда имам пригласил Халил-Бека и попросил нарисовать его реалистичный портрет.

Глубокий неизгладимый след в душе автора оставил съезд делегатов всего Кавказа; грузины, абхазцы адыги, ногаи, карачаи, азербайджанцы, авары и другие сыны Кавказа съехались в Анди, единодушные в своих радушных надеждах. Под реющими знаменами славных шамилевских полков лились торжественные звуки священных гимнов, распеваемых мюридами, и здесь-то Нажмуддин из Гоцо был всенародно провозглашен имамом.

Некоторое осложнение на фоне всеобщей солидарности вызвало выступление Узун-Хаджи, который высказался против участия в освободительном движении всех тех, кто имел какие бы то ни было сношения с русскими – как с «подозрительными и зараженными чудным духом».

...В сердце каждого кавказского патриота эта книга пробудит лучшие чувства и вдохнет в него духовные силы народа.

Для иностранца же она явится ценным литературным произведением, открывающим перед ним картину подлинной жизни и фольклора Кавказа. В Германии «Страна последних рыцарей» пользуется большим успехом. Почти все газеты дали о ней восторженные отзывы, а официальным органом она была одобрена и рекомендована в школы, библиотеки и читальни.

В настоящее время идут переговоры о ее переводе на арабский, шведский и чешский языки.

Верный друг Кавказа, барон В. фон-Иксуль*, автор «Названных братьев», по прочтении книги преподнес Халил-Беку ценный дар – полный золотой гарнитур к черкеске, вывезенный им из Северного Кавказа.

(«Свободный Кавказ», №36, апрель 1937 год.)

Осман Челик

ВОСПОМИНАНИЯ ЗНАМЕНИТОГО ХУДОЖНИКА

«Страна последних рыцарей» – воспоминания знаменитого дагестанского художника Халил-Бега Мусаясула. Продиктованные Халил-Беком, они были записаны Луизой Лапорте. Воспоминания впервые вышли в свет в Германии в 1936 году («Дас Ланд дёр летцен Риттер») на немецком языке под редакцией Мюнхенского издательства «Бекше Ферлагсбуххандлунг». На турецкий книгу перевела доктор Сурея Улькер. В общих чертах перевод выполнен безупречно. Уважаемая Сурея Улькер достаточно хорошо знакома с историей и культурой Северного Кавказа. Важнее всего то, что она не скована пристрастием к какой-то одной области этой страны, сердце ее принадлежит Северному Кавказу, и даже, вообще, Кавказу. Это сразу можно заметить, читая написанное ее рукой предисловие к изданной книге.

* * *

Воспоминания Халил-Бега Мусаясула разбиты на три главы. Первая – «Мое детство среди моих родных». Вторая – «Мир гор». Третья – «Утерянный рай». Последняя глава называется «Завершение». В первой главе прославленный художник рассказывает о годах своего детства. В этой главе все ясно: окружение, люди, предметы горского обихода, блюда, нравственность и обычай... Когда все это читаешь, будто сам совершаешь путешествие в то время и испытываешь все, пережитое героями этой книги. В этой главе вы созерцаете счастливую жизнь одной большой семьи, близко знакомитесь с суровым, уважаемым всеми отцом, матерью, хозяйкой во всех делах. В ее образе угадывается идеальный портрет кавказской женщины. Читатель может проследить как Халил, очень шаловливый в детстве мальчик, идет учиться в школу и что он там натворил в первый же день учебы. Самое важное, слышны голоса людей, окружавших его, чье влияние он сохранил на

* Отпрыск потомственных баронов, сын отставного гвардии ротмистра Владимир Яковлевич Иксуль родился в 1866 году, 23 августа в деревне Кош Эстляндской губернии (ныне — Эстония). Служил в русской армии. Выйдя в отставку, поселился в имении отца-Мейнгофе. Накануне 1 мировой войны вышло в свет 14 томов его сочинений. Автор романа «Святая Илья горы Тбау», драмы «Гамзат-бек» и др. произведений кавказской тематики.

всю жизнь, и вместе с ним, слышим и мы их. Во второй части Халил вступает в пору юношества. Связь между событиями почему-то иногда обрывается. В изложении целостность восприятия затруднена. Несмотря на это, некоторые события все же ясно проглядываются. Дагестан с его поверьями, народными сказаниями, кровной мезьтюд предстает перед вами во всей своей полноте. Музыка и танцы, в которых принимают участие молодежь, взаимопомощь между семьями, похороны, поминки... Длинные зимние ночи – это уже другое. Поэты, представляющие собой живую память общества, славные рассказчики повествуют о прошлых поколениях. Здесь речь идет со слов старших, о кровной вражде в прошлом между семьями и горьких последствиях этого, о жизни знаменитых героев. В третьей книге отображен период возмужания Халил-Бега Мусаясула. Наблюдаемые им события получают логическую и обстоятельную оценку, приобретая всемирный характер. Первая мировая война, как и всех, коснулась также и Дагестана. Молодежь сама не знает, за что сражается и гибнет на фронтах. Их близкие и все общество переживает горе. Как будто не хватает бед одной этой войны – вспыхивает еще большевистская революция, которая как вихрь, охватывает всю страну. Традиционная жизнь, всякий порядок – все идет вверх дном. Что-либо определенное сказать об этих событиях трудно. Все в хаосе.

Халил-Бег Мусаясул, уже известный интеллигент. Оставив свою родину в сгущающихся сумерках, он отправляется в путь. Его окружение, его близкие погибают в вихре событий, перемен. И, чтобы не видеть эту горькую картину, он не хочет оборачиваться. Несмотря на всю неопределенность, трагизм всех перипетий, мы вынуждены идти за ним следом. Когда мы думаем о его и судьбе его друзей, мы сопереживаем всю их драму.

В главе «Завершение» воспоминаний почти нет. Здесь повествуется о прошлом Северного Кавказа: о походах на Кавказ, о том, как Россия его завоевала. Последние слова Халил-Бега Мусаясула заслуживают того, чтобы в рамке повесить их на стене. Хочу их процитировать. Эти последние слова – своего рода послание всем народам Кавказа: «Большевики, уничтожив старый Российский мир, проглотив с Кавказом Дагестан, не нашли там никаких пролетариев, и даже понятия о них. По этой причине тогда в горах вовсе не употребляли этого слова. Разве большевики сумеют сделать то, что оказалось не под силу ни восточным сатрапам, ни русским царям. Разве они сумеют сломать горы, и скалы и превратить их в ровное место?»

Великий художник, обращаясь с таким вопросом, не надеялся на народ. Этот вопрос был обращен в будущее.

Перевод с турецкого.